

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

НОЯБРЬ • 2014

Постановление от 6 ноября 2014 года № 27-П по делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201411110011; дата опубликования: 11.11.2014)

Правовые категории в Постановлении: государственная тайна; принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств; возбуждение уголовного дела; оперативно-розыскная деятельность.

Заявитель: гражданин О. А. Лаптев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статей 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности ознакомления адвоката — представителя близкого родственника лица, по факту смерти которого проводилась проверка сообщения о преступлении, с отдельными процессуальными решениями и материалами проверки, послужившими основанием для вынесения таких решений, в связи с наличием в них сведений в области оперативно-розыскной деятельности, составляющих государственную тайну.

Позиция заявителя: нарушение положениями статей 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» своих прав, гарантированных статьями 2, 17 (часть 1), 18, 45 (часть 2), 46 (часть 1), 48 (часть 1), 52 и 123 (часть 3) Конституции РФ, заявитель усматривает в том, что эти положения позволяют отказать адвокату — представителю лица, чьи законные интересы затрагиваются проверкой сообщения о преступлении, в связи с отсутствием у него допуска к государственной тайне: в ознакомлении с материалами проверки сообщения о преступлении, содержащими све-

дения, составляющие государственную тайну, и вынесенными по этим материалам решениями об отказе в возбуждении уголовного дела, содержащими указанные сведения; в получении с помощью технических средств копий соответствующих документов.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал положения статей 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой они не предполагают ограничение права адвоката, являющегося представителем лица, требующего возбуждения уголовного дела в связи с гибелью близкого родственника, ознакомиться с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту и материалами, послужившими основанием для такого процессуального решения, со ссылкой на то, что в них содержатся сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну. Такой вывод основан на том, что:

— вопрос о возбуждении уголовного дела разрешается с использованием лишь тех полученных в результате оперативно-розыскной деятельности сведений о наличии или отсутствии признаков преступления и о других юридически значимых фактах, которые могут быть проверены в порядке, предусмотренном УПК РФ, для подтверждения обоснованности процессуальных решений, принятых на данной стадии уголовного судопроизводства по результатам рассмотрения сообщения о преступлении;

— уполномоченные должностные лица обязаны предпринять все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении, направляемых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, содержались лишь те сведения, которые согласно УПК РФ необходимы для принятия соответствующего процессуального решения. В то же время необходимо, чтобы исключались коллизии между требованиями защиты государственной тайны применительно к сведениям об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, с одной стороны, и гарантиями прав лица, требующего возбуждения уголовного дела в связи с гибелью своего близкого родственника, а также адвоката, являющегося его представителем, на ознакомление с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту и материалами, послужившими основанием для такого процессуального решения, с другой стороны.

Мотивы решения. Конституционный Суд указал, что лицо, имеющее законный интерес в участии в производстве по уголовному делу вследствие смерти близкого родственника при обстоятельствах, дающих основания полагать наличие в данном событии признаков преступления, и которое настаивает на дальнейшей проверке сообщения о преступлении и (или) возбуждении уголовного дела и уголовном преследовании виновных, не может быть лишено возможности защитить свои права и законные интересы, на том лишь основании, что на стадии возбуждения уголовного дела не принято процессуальное решение о наделении его статусом потерпевшего, на который оно имеет право согласно части 8 статьи 42 УПК РФ во взаимосвязи с пунктом 4 его статьи 5.

Исходя из принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон (часть 3 статьи 123 Конститу-

ции РФ), в силу которого стороны самостоятельно определяют свою позицию по делу, такому лицу или его представителю — адвокату должны быть обеспечены процессуальные гарантии для надлежащей подготовки и изложения своей позиции. Также должны быть предоставлены другие правомочия, необходимые для их участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами, осуществляющими проверку сообщения о предположительно совершенных посягательствах на жизнь, включая возможность ознакомления с процессуальными документами и материалами, содержащими сведения об обстоятельствах, свидетельствующих о наличии или отсутствии в деянии признаков преступления.

Разрешение вопроса о законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти человека предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств, позволяющих дать этому событию правильную правовую оценку с учетом собранных данных, достаточных как для вынесения процессуального решения, так и для его оценки. Такое постановление, будучи итоговым процессуальным решением, должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном УПК РФ порядке. Иное свидетельствовало бы о произвольности выводов соответствующего должностного лица относительно события смерти, сами обстоятельства которой уже могут указывать на наличие признаков преступления, и создавало бы для заинтересованных лиц сложности при их оспаривании.

В свою очередь, согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела. В то же время данные результаты являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе норм уголовно-процессуального закона (см.: *определения от 4 февраля 1999 года № 18-О, от 25 ноября 2010 года № 1487-*

О-О, от 25 января 2012 года № 167-О-О, от 19 июня 2012 года № 1112-О, от 20 февраля 2014 года № 286-О и др.).

Соответственно, использование уполномоченными должностными лицами (органами) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела результатов оперативно-розыскной деятельности, хотя и включенных в перечень сведений, составляющих государственную тайну, но содержащих лишь информацию о наличии или отсутствии признаков преступления и других обстоятельствах, имеющих значение для принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела, а значит, не выходящих за пределы, за которыми ознакомление заинтересованного лица с фактическими данными, полученными процессуальным путем, и процессуальными актами, отражающими способ их получения, в целях обжалования указанных решений, нарушающих, по мнению этого лица, права и свободы личности, наносило бы ущерб требованиям обеспечения государственной тайны, не может служить препятствием для его ознакомления с процессуальным решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами, дающими основания для его вынесения.

Для оценки законности и обоснованности процессуальных решений о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении также необходима именно информация, предоставляемая принимающим такие решения уполномоченным должностным лицам (органам), поскольку уголовное дело подлежит возбуждению лишь при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Напротив, сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах оперативно-розыскной деятельности, не являются результатами оперативно-розыскной деятельности, способными служить средством для процессуальной проверки и установления юридически значимых фактов и обстоятельств, и не могут быть положены в основу уголовно-процессуальных решений и, следовательно, приобщены к материалам уголовного дела или проверки сообщения о преступлении.

Приобщение содержащихся в представляемых результатах оперативно-розыскной дея-

тельности сведений, отнесенных к государственной тайне, к материалам проверки сообщения о преступлении, а также их использование для решения вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти человека приводило бы к засекречиванию не только соответствующего процессуального решения и материалов, его обосновывающих, но и не подлежащих отнесению к государственной тайне сведений о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами (статья 7 Закона РФ «О государственной тайне»). Предоставление же потерпевшему и (или) его представителю доступа к таким сведениям, не имеющим отношения к основаниям отказа в возбуждении уголовного дела, а значит, не являющимся необходимыми с точки зрения интересов эффективного обжалования данного процессуального решения, не отвечало бы требованию соблюдения баланса публичных и частных интересов в сфере охраны государственной тайны.

Следовательно, положения статей 21 и 21.1 Закона РФ «О государственной тайне» должны рассматриваться как исключаяющие, по общему правилу, саму предпосылку для ограничения права лица, чьи законные интересы могут быть затронуты проводимой проверкой сообщения о преступлении, равно как и адвоката, являющегося его представителем, на ознакомление с материалами такой проверки, послужившими основанием для вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответственно, данные положения являются исключаящими распространение в таких случаях содержащихся в них требований на правоотношения с участием адвоката и тем самым — ограничение прав представляемого им лица на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь.

При этом уполномоченные должностные лица должны принимать во внимание правовую позицию, Конституционного Суда РФ, в силу которой отказ обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, а также предложение обвиняемому (подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов, имеющих такой допуск, обусловлен-

ные распространением положений статьи 21 Закона РФ «О государственной тайне» на сферу уголовного судопроизводства, несоразмерно ограничивают конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника, гарантированные статьей 48 Конституции РФ. Зависимость выбора обвиняемым адвоката от наличия у последнего допуска к государственной тайне противоречит также принципу состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве, закрепленному в статье 123 (часть 3) Конституции РФ. Сохранность государственной тайны при рассмотрении дел с участием адвоката в качестве представителя в уголовном процессе обеспечивается также нормами Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязывающими адвоката хранить профессиональную тайну (статья 8) (см.: *Постановление от 27 марта 1996 года № 8-П*).

В ситуации, когда уголовное дело по факту смерти человека не возбуждено и, соответственно, заинтересованное лицо, настаивающее на его возбуждении, не признано потерпевшим, несмотря на его требования, правовой статус такого лица с точки зрения ознакомления с материалами, определяющими дальнейшее движение уголовного дела, — не

может существенно отличаться от правового статуса лица, официально признанного потерпевшим. Органы, рассматривающие вопрос о возбуждении уголовного дела, обязаны изыскивать — до ознакомления заинтересованных лиц с этими материалами — адекватные правовые средства, которые позволили бы обеспечить их процессуальные права и право на информацию и вместе с тем не создавали бы дополнительные риски в отношении сохранности государственной тайны. Если для решения вопроса о возбуждении уголовного дела к материалам проверки сообщения о преступлении по факту смерти человека в целях уголовного преследования необходимо приобщить сохраняющие гриф секретности сведения, заинтересованные лица могут быть допущены к ознакомлению с соответствующими материалами в установленных законом процедурах, направленных на обеспечение сохранности государственной тайны. При этом на таких лиц распространяются нормы законодательства Российской Федерации о государственной тайне, предусматривающие ответственность за его нарушение.

Акты международного права, использованные в Постановлении: постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июля 2011 года по делу «Хашуева против России».

Постановление от 11 ноября 2014 года № 28-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части третьей статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201411140021; дата опубликования: 14.11.2014)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; право на судопроизводство в разумный срок; принцип процессуальной экономии.

Заявители: граждане В. В. Курочкин, А. Б. Михайлов и А. С. Русинов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права

на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 3 статьи 6¹ УПК РФ в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о возможности рассмотрения заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок лица, в отношении которого не было принято процессуальное решение о признании потерпевшим по уголовному делу, в том числе в связи с отказом в его возбуждении, и лица, признанного потерпевшим, если

с момента их обращения с заявлением о преступлении прошел значительный срок, сопоставимый по продолжительности со сроком давности уголовного преследования, истечение которого послужило основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении производства по уголовному делу.

Позиция заявителей: нарушение частью 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» своих прав, гарантированных статьями 17, 19, 45, 46, 52 и 53 Конституции РФ, заявители усматривают в том, что содержащееся в ней нормативное положение — по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, — предполагает отказ в рассмотрении заявления лица о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в случае, когда уголовное дело по его заявлению о преступлении в связи с истечением срока давности уголовного преследования возбуждено не было, вследствие чего такое лицо не приобрело формальный статус потерпевшего.

Кроме того, А. Б. Михайлов полагает, что часть 3 статьи 6¹ УПК РФ — с учетом ее истолкования в судебной практике — не соответствует Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 3), 46 (части 1 и 2), 52 и 53, поскольку, не включая в разумные сроки судопроизводства время, предшествующее установлению и признанию в процессуальном порядке лица в качестве подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, не позволяет исчислять эти сроки с момента поступления первичного сообщения о преступлении.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал положения части 1 статьи 1 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 3 статьи 6¹ УПК РФ не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

— не допускают возвращения заявления о присуждении компенсации за нарушение пра-

ва на судопроизводство в разумный срок лицу, по заявлению которого о преступлении отказано в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, или отказ в выплате компенсации такому лицу на том лишь формальном основании, что в отношении этого лица не было принято процессуальное решение о признании его потерпевшим, если позиция органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры о наличии оснований для возбуждения уголовного дела в период предварительного расследования неоднократно менялась и (или) если принятым впоследствии судебным решением установлено, что отказ в возбуждении уголовного дела в период до истечения сроков давности уголовного преследования был незаконным, необоснованным;

— не допускают возвращения заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или отказ в выплате компенсации потерпевшему от преступления в тех случаях, когда производство по уголовному делу прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования, который по данному преступлению меньше, чем установленный законодательством срок производства по уголовному делу, позволяющий обращаться в суд с заявлением о присуждении компенсации, на том лишь формальном основании, что продолжительность производства по данному уголовному делу до истечения срока давности уголовного преследования не превысила сроки, установленные в качестве условия обращения в суд с указанным заявлением применительно к лицам, производство по делам которых продолжается.

При этом во всяком случае предполагается, что лицо обратилось с заявлением о преступлении своевременно, то есть в течение непродолжительного срока с момента, когда оно узнало или должно было узнать о деянии, имеющем признаки преступления, а связанные с проверкой заявления о преступлении, решением вопроса о возбуждении уголовного дела и установлением подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления действия прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя — исходя из указанных в заявлении о присуждении компенсации за нарушение права

на судопроизводство в разумный срок обстоятельство — нуждаются в дополнительной оценке с точки зрения их достаточности и эффективности.

Мотивы решения. При введении в правовое регулирование обусловленных принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» основных критериев определения разумных сроков уголовного судопроизводства, а также условий, при наличии которых его участники вправе обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, федеральный законодатель исходил из того, что требование о присуждении указанной компенсации, хотя формально и носит самостоятельный характер, связано с процессуальными аспектами производства по уголовному делу, относящимися к его основаниям и порядку, полномочиям осуществляющих его субъектов, эффективности, законности и обоснованности их действий и решений, которые могут быть оспорены в судебном порядке (см.: *Постановление от 19 июля 2011 года № 17-П*).

Следовательно, придание институту компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок характера дополнительного (вспомогательного) средства защиты участниками судопроизводства своих прав не может расцениваться как ограничение их конституционных прав на судебную защиту, на компенсацию причиненного ущерба и возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Вместе с тем, предоставляя участникам судопроизводства право обратиться в суд с соответствующим заявлением, федеральный законодатель обязан при определении оснований, условий и механизма его реализации учитывать особенности различных видов судопроизводства, различия правового положения участников соответствующих правоотношений, закрепленные законом сроки проверки сообщения о преступлении и расследования, а также сроки, по истечении которых, по общему правилу, производство по уголовному делу невозможно.

В то же время Конституционный Суд РФ отметил, что пострадавшие от преступления,

не могут быть лишены права на доступ к правосудию и права на судебную защиту, а потому лицо, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен физический или материальный вред, но которое не имеет формального уголовно-процессуального статуса потерпевшего, также не может быть лишено указанных прав: обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (см.: *Постановление от 27 июня 2000 года № 11-П, определения от 22 января 2004 года № 119-О, от 18 января 2005 года № 131-О, от 17 ноября 2011 года № 1555-О-О* и др.). Как потерпевший, так и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые, то есть отсутствуют формальные основания для начала публичного уголовного преследования конкретного лица от имени государства в связи с совершенным преступным деянием (см.: *постановления от 14 января 2000 года № 1-П, от 25 июня 2013 года № 14-П*).

Следовательно, реализация потерпевшими и иными заинтересованными лицами, которым запрещенным уголовным законом деянием причинен физический или материальный вред, права на судопроизводство в разумный срок в целях получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод должна осуществляться в соответствии с законодательно закрепленными критериями определения разумности сроков уголовного судопроизводства. При этом, однако, их процессуальный статус предопределяет необходимость учета дополнительных параметров, позволяющих при отнесении срока разбирательства конкретного дела к разумному исключить его произвольную оценку, в том числе имея в виду, что обеспечение их права на уголовное судопроизводство в разумный срок зависит не столько от

продолжительности досудебного производства по делу, сколько от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности предпринятых мер для объективного рассмотрения соответствующих требований.

Соответственно, определяющее значение в разрешении вопроса о праве лица на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок должны иметь своевременность, тщательность, достаточность и эффективность предпринятых мер в целях своевременного возбуждения уголовного дела, завершения судопроизводства и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. В противном случае невыполнение или ненадлежащее выполнение органами уголовного преследования своей процессуальной обязанности по проверке сообщения о преступлении, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в неоднократном необоснованном прерывании проверки по заявлению о преступлении, в непроявлении должного усердия и тщательности при выявлении лиц, виновных в его совершении, в целях их своевременного привлечения к ответственности, лишало бы потерпевших или иных заинтересованных лиц, которым запрещенным уголовным законом деянием причинен физический, имущественный или моральный вред, не только права на судопроизводство в разумный срок, но и права на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации.

В то же время, наделив соответствующих субъектов правом на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, федеральный законодатель избрал фиксированный временной критерий в качестве условия обращения в суд с таким заявлением лишь применительно к лицам, производство по делам которых продолжается, но уже превышает пределы, установленные законом. При этом само по себе установление сроков судопроизводства в процессуальном законе не дает оснований рассматривать обстоятельства, определяющие наличие или отсутствие нарушения права на судопроизводство в разумный срок, как процессуальные факты, которые по своему содержанию и значению не требуют разрешения дела по заяв-

лению о присуждении соответствующей компенсации по существу (см.: *Постановление от 19 июля 2011 года № 17-П*). Соответственно, поскольку требование о присуждении компенсации, хотя и носит самостоятельный характер, неразрывно связано с процессуальными аспектами состоявшегося ранее судебного процесса (прежде всего — с соблюдением установленных непосредственно законом сроков рассмотрения дела) и его итогами, разрешение вопроса о праве на обращение с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок возможно исходя из предписаний уголовно-процессуального закона относительно оценочного характера разумности срока уголовного судопроизводства.

Поскольку по общему правилу, факт нарушения права заявителя на судопроизводство в разумный срок подлежит установлению в стадии судебного разбирательства (глава 15 ГПК РФ), вопрос о содержании спорных правоотношений, определяющем на основании фактических обстоятельств наличие или отсутствие нарушения права лица, обратившегося за судебной защитой, может быть разрешен лишь при принятии заявления к производству суда и рассмотрении гражданского дела по существу (см.: *Постановление от 19 июля 2011 года № 17-П, определения от 8 июля 2004 года № 238-О, от 20 октября 2005 года № 513-О, от 24 января 2006 года № 3-О*).

Акты международного права, использованные в Постановлении: Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года), устанавливающая что лица, которым был причинен вред, включая моральный, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (пункт 4); судебные и административные процедуры должны в наибольшей степени отвечать потребностям таких лиц, в том числе путем предоставления им надлежащей помощи на протяжении всего судебного разбирательства и предотвращения неоправданных задержек при рассмотрении дел (пункт 6); статьи 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Постановление от 11 ноября 2014 года № 29-П по делу о проверке конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201411140020; дата опубликования: 14.11.2014)

Правовые категории в Постановлении: расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел; правовой статус сотрудника органов внутренних дел; декриминализация.

Заявители: граждане Д. А. Васин и И. С. Кравченко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в той мере, в какой на его основании решается вопрос о расторжении контракта о прохождении службы в органах внутренних дел и увольнении со службы сотрудника органов внутренних дел, в отношении которого уголовное преследование по делу публичного обвинения прекращено в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием до вступления названного Федерального закона в силу, в тех случаях, когда инкриминированное ему деяние к моменту увольнения со службы было декриминализовано.

Позиция заявителей: нарушение пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» своих конституционных прав, закрепленных статьями 15 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 37 (части 1 и 3), 45, 46 (части 1 и 2), 49, 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, заявители усматривают в том, что его положения служат основанием для увольнения со службы в органах внутренних дел лиц, в отношении которых уголовные дела публичного обвинения были прекращены в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием до вступления названного Федерального закона в силу, в тех случаях, когда инкриминировавшие этим лицам деяния к моменту их увольнения со службы новым уголовным законом были декриминализованы.

Итоговый вывод решения: пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признан не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой он допускает увольнение со службы в органах внутренних дел сотрудников, в отношении которых до вступления названного Федерального закона в силу уголовное преследование по делам публичного обвинения прекращено в связи с примирением сторон или в связи с деятельным раскаянием, если совершенные ими деяния на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнения со службы не признаются преступлениями.

Мотивы решения. Федеральный законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц. В свою очередь, граждане, добровольно избирая такого рода деятельность, соглашаются с ограничениями, которые обуславливаются приобретаемым ими правовым статусом. Отсюда следует, что установление особых правил прохождения государственной службы, включая правоохранительную службу, и требований к избравшим ее лицам само по себе не может рассматриваться как нарушение закрепленных статьями 32 (часть 4) и 37 (часть 1) Конституции РФ права на равный доступ к государственной службе и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это полностью соответствует

предписаниям статьи 55 (часть 3) Конституции РФ, допускающей в установленных ею целях ограничения прав граждан федеральным законом.

Кроме того, предполагается, что федеральный законодатель, принимая закон, устраняющий или смягчающий уголовную ответственность и, следовательно, являющийся актом, который по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных преступлений и правовой статус лиц, их совершивших, не может не предусмотреть механизм придания ему обратной силы, а правоприменительные органы, в том числе суды, уполномоченные на принятие юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от уголовной ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса данных лиц, не вправе уклоняться от его применения (см.: *постановления от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 18 июля 2013 года № 19-П*).

Однако в Постановлении от 21 марта 2014 года № 7-П Конституционный Суд РФ указал, что правовое регулирование, предполагающее обязательное и безусловное расторжение контракта о прохождении службы с сотрудником органов внутренних дел и увольнение со службы сотрудника, в отношении которого уголовное преследование по делу частного обвинения в связи с примирением сторон прекращено до вступления Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в силу (при том что деяние, в связи с совершением которого он

привлекался к уголовной ответственности, впоследствии декриминализовано), ставит его в неравное положение с сотрудниками органов внутренних дел, совершившими аналогичные деяния после их декриминализации, и в силу этого не соответствует конституционному принципу равенства всех перед законом и судом и нарушает конституционные права увольняемого лица.

Правовое значение декриминализации носит общий характер и не меняется в зависимости от того, по какому основанию было прекращено уголовное преследование лица, привлекавшегося к ответственности за декриминализованное впоследствии деяние, а также от того, какое действие или бездействие (относящееся к делам частного либо публичного обвинения) новым уголовным законом не признается более общественно опасным.

В силу конституционного принципа равенства недопустимо вводить ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности за совершение деяний, которые затем были декриминализованы). Различия в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования допустимы, только если они объективно оправданны, обоснованы и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 29 Всеобщей декларации прав человека; пункт 2 статьи 1 Конвенции МОТ № 111 1958 года.

Постановление от 18 ноября 2014 года № 30-П по делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201411210008; дата опубликования: 21.11.2014)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; третейский суд;

принцип независимости и беспристрастности третейских судей.

Заявитель: открытое акционерное общество «Сбербанк России» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 АПК Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в той мере, в какой эти положения в их взаимосвязи служат основанием для разрешения вопроса о возможности выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда применительно к случаям, когда сторона, в пользу которой оно принято, является одним из учредителей автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд.

Позиция заявителя: оспариваемые положения не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 4 (часть 2), 8 (часть 1), 10, 15, 17 (часть 1), 34 (часть 1), 45 (часть 2), 55 (часть 3) и 120, поскольку по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют рассматривать решение третейского суда как нарушающее основополагающие принципы российского права, если оно принято по спору, одной из сторон которого является учредитель автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд, и отказывать на этом основании в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал оспариваемые положения не противоречащими Конституции РФ, поскольку эти положения в их взаимосвязи — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагают отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда на том лишь основании, что сторона, в пользу которой оно принято, является одним из учредителей автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд.

Данное решение не препятствует внесению федеральным законодателем в действующее правовое регулирование изменений, направленных на совершенствование порядка и принципов создания третейских судов, с

целью обеспечения защиты прав сторон гражданско-правового спора на справедливое третейское разбирательство.

Мотивы решения. Абзац первый пункта 2 статьи 3 Федерального закона от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее — Закон о третейских судах) устанавливает, что образовывать постоянно действующие третейские суды могут организации — юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, или их объединения (ассоциации, союзы). Статья 18 Закона о третейских судах называет принцип независимости и беспристрастности третейских судей среди основных принципов третейского разбирательства. Вытекающие из данного принципа требования и подходы к основополагающим гарантиям их деятельности производны от требований и гарантий деятельности судей государственных судов.

Независимость третейского судьи, избранного (назначенного) в состав постоянно действующего третейского суда, от организации — учредителя данного третейского суда обеспечивается запретом на вмешательство в его деятельность по рассмотрению спора и в принятие решения по делу органов, должностных лиц и сотрудников этой организации, которая уполномочена лишь на утверждение процедурных правил деятельности и списка третейских судей, а также порядком выплаты им гонораров и компенсации расходов, связанных с участием в третейском разбирательстве.

Кроме того, независимость третейского судьи от сторон рассматриваемого спора подразумевает, как правило, отсутствие трудовых, гражданско-правовых и иных правоотношений, а беспристрастность обеспечивается законодательным закреплением ряда специальных требований, предъявляемых к третейским судьям. Так, согласно пункту 1 статьи 8 Закона о третейских судах, третейским судьей может быть избрано (назначено) лицо, прямо или косвенно не заинтересованное в исходе дела и являющееся независимым от сторон. Цели обеспечения независимости и беспристрастности третейских судей подчинены и предусмотренные Законом о третейских судах правила формирования состава третейского суда (статья 10) и порядок отвода третейских судей (статья 12).

Таким образом, само по себе приведенное нормативное регулирование не дает оснований для вывода о невозможности передачи на рассмотрение постоянно действующего третейского суда, образованного при автономной некоммерческой организации, гражданско-правового спора, одной из сторон которого является учредитель данной автономной некоммерческой организации.

Обращаясь ранее к процессуальным аспектам основанной на положениях Конституции РФ возможности разрешения гражданско-правовых споров посредством третейского разбирательства, Конституционный Суд РФ указал, что передача спора на рассмотрение третейского суда остается альтернативной формой защиты права и не превращает третейское разбирательство в собственно судебную форму защиты права, равно как и не порождает иных юридических последствий, помимо предусмотренных законом именно для третейского решения, обеспечение принудительного исполнения которого находится за пределами третейского рассмотрения и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения (см.: *Постановление от 26 мая 2011 года № 10-П*).

Установленный законодательством перечень оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительно листа на принудительное исполнение) решений третейских судов имеет исчерпывающий характер и предусматривает как основания, наличие которых подлежит доказыванию стороной, против которой принято соответствующее решение, так и основания, наличие которых подлежит установлению компетентным судом, а именно: спор, рассмотренный третейским судом, не может быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом или решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права.

На момент формирования состава третейского суда для разрешения соответствующего гражданско-правового спора предпосылки для оценки способности избираемых (назначаемых) третейских судей обеспечить его беспристрастное разрешение — с точки зрения таких субъективных категорий, как мировоззрение, моральные принципы, обусловленное причинами психологического или интеллектуального характера ситуативное отношение к

одной из сторон спора и т.д., — отсутствуют. Обстоятельства же, свидетельствующие о прямой или косвенной заинтересованности третейского судьи в исходе дела, его зависимости от одной из сторон спора, включая формальные или личные связи с этой стороной или ее представителем, и тем самым вызывающие обоснованные сомнения в беспристрастности третейского судьи, до начала третейского разбирательства другой стороне спора могут быть неизвестны, но при их обнаружении после избрания третейского судьи являются основанием для его отвода.

Соответственно, при оценке беспристрастности третейского судьи во внимание принимается как его личная позиция по конкретному делу, так и объективный критерий, а именно наличие связей третейского судьи с одной из сторон спора или ее представителем как обстоятельство, которое позволяет поставить под сомнение его независимость от нее либо определить, имелись ли достаточные гарантии, исключающие возможность его предвзятого отношения к другой стороне спора. Федеральный законодатель, устанавливая исчерпывающий перечень оснований для отмены (отказа в выдаче исполнительно листа на принудительное исполнение) решения третейского суда, учитывал специфику третейского разбирательства, обуславливающую, в свою очередь, особенности действия в его рамках принципа независимости и беспристрастности третейских судей, ориентируя тем самым компетентные суды на принятие решения, наиболее отвечающего требованиям справедливости.

Между тем практика применения положений статьи 18 Закона о третейских судах, пункта 2 части 3 статьи 239 АПК РФ и пункта 3 статьи 10 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» арбитражными судами, сложившаяся с учетом позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (Постановление Президиума ВАС РФ № 1567/13 от 16 июля 2013 года), не позволяет в каждом конкретном случае достичь должного баланса интересов всех лиц, участвующих в соответствующих правоотношениях, и принять решение, наиболее отвечающее требованиям справедливости, что предполагает необходимость установления нарушения принципа беспристрастности при рассмотрении конкретного

спора именно составом третейского суда, но при этом не исключает учет в этих целях его организационно-правовых связей со сторонами спора.

Иное понимание указанных законоположений не согласуется с вытекающими из Конституции РФ, в том числе ее статей 8 (часть 1), 17 (часть 3) и 34 (часть 1), принципами стабильности гражданского оборота, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц.

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также пункт 1 статьи 6 и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющие право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при соблюдении принципа равенства всех перед судом, в случае спора о его гражданских правах и обязанностях.

ДЕКАБРЬ • 2014

Постановление от 10 декабря 2014 года № 31-П по делу о проверке конституционности положений статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201412120031; дата опубликования: 12.12.2014)

Правовые категории в Постановлении: арест безналичных денежных средств; меры процессуального принуждения; защита имущественных прав.

Заявитель: закрытое акционерное общество «Глория» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей шестой и седьмой статьи 115 УПК РФ в той мере, в какой установленный ими в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска правовой режим имущества в виде безналичных денежных средств не предполагает возможность перевода денежных средств, которые были похищены с расчетного счета лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по данному уголовному делу, и арестованы на расчетных счетах, принадлежащих третьим лицам, на счет какого-либо другого лица для обеспечения их сохранности, в том числе в случае, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено на неопределенно длительный срок в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Позиция заявителя: оспариваемые положения, предусматривая возможность изъятия и передачи на хранение арестованного в рам-

ках уголовного дела имущества в виде денежных средств их собственнику или другому лицу лишь в отношении наличных денежных средств и не допуская такой возможности применительно к безналичным денежным средствам, которые были похищены с расчетного счета лица, признанного потерпевшим по данному уголовному делу, и находятся на счетах в других кредитных организациях, ставят в неравное положение потерпевших от преступлений, предметом которых являлись безналичные денежные средства, и потерпевших от преступлений, предметом которых являлись наличные денежные средства. При этом в случае приостановления производства по уголовному делу в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, потерпевший — в нарушение статей 34, 35, 52 и 55 Конституции РФ — лишается на неопределенный срок возможности не только использовать в своей предпринимательской деятельности принадлежащие ему денежные средства, но и возместить понесенные вследствие этого убытки (притом что банк не начисляет проценты на арестованные денежные суммы, ссылаясь на запрет осуществления каких-либо действий с ними), а значит, должным образом восстановить свои нарушенные права и законные интересы.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал положения частей шестой и седьмой статьи 115 УПК РФ соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой установленные ими различия в правовом механизме обеспечения сохранности денежных средств, находящихся на счете в банке или иной кредитной организации, и иного имущества, на которое в рамках производства по уголовному делу наложен арест с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, обусловлены различной — материальной и нематериальной — природой соответствующих объектов гражданских прав.

В то же время Суд признал положения частей шестой и седьмой статьи 115 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 8, 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой предусмотренный ими механизм обеспечения сохранности имущества, на которое наложен арест с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, не гарантирует эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, был наложен арест, в случаях, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено на неопределенно длительный срок в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским истцом по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, наложен арест в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, в случаях, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Мотивы решения. Согласно статье 52 Конституции РФ права потерпевших от пре-

ступлений охраняются законом. Вводимые в порядке реализации данного конституционного предписания меры, направленные на защиту имущественных прав потерпевших, объективно носят ограничительный характер, и поэтому их применение в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска допускается исключительно на основании судебного решения.

Как следует из статьи 115 УПК РФ, в случае ареста безналичных денежных средств кредитная организация, открывшая счет, на котором они находятся, обязана прекратить по данному счету (полностью или частично) любые банковские операции. Действующее правовое регулирование создает систему гарантий надлежащего исполнения кредитной организацией обязанности обеспечения сохранности этих денежных средств на соответствующем счете (вплоть до отзыва Центральным банком России лицензии). Безналичные денежные средства, являясь по своей природе обязательственным требованием лица к кредитной организации, в которой открыт счет, не могут быть переданы на хранение какому-либо лицу в том смысле, в каком это определено частью шестой статьи 115 УПК РФ.

Различия в регулировании последствий наложения ареста на объекты вещных прав и на безналичные денежные средства обусловлены различной природой соответствующих объектов гражданских прав и не могут рассцениваться как нарушающие конституционный принцип равенства.

При этом потерпевший по уголовному делу по своему усмотрению может самостоятельно выбрать способ защиты своих имущественных прав: подать гражданский иск в рамках производства по уголовному делу или предъявить соответствующий иск в порядке гражданского судопроизводства. Выбрав тот или иной способ защиты прав, потерпевший соглашается и на связанные с ним ограничения, в том числе влекущие риск несения убытков вследствие невозможности пользоваться принадлежащим ему имуществом, которые не могут считаться чрезмерными, если срок производства по уголовному делу не превышает срок, установленный уголовно-процессуальным законодательством.

В случае приостановления предварительного расследования по уголовному делу, свя-

занному с хищением средств с банковского счета, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, в вопросе о сроках и результатах разрешения тем или иным образом имущественных притязаний заинтересованных лиц возникает неопределенность. Поскольку УПК РФ не содержит для подобных случаев специальных предписаний относительно отмены или изменения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, фактически допускается сохранение ее действия на все время приостановления предварительного расследования, то есть до истечения сроков давности уголовного преследования.

Это означает, что арест имущества из временной меры, применение которой осуществляется в рамках установленных законом сроков, практически превращается в неопределенное по срокам ограничение права собственности в его конституционно-правовом смысле (см.: *Постановление от 31 января 2011 года № 1-П*). При этом в практике Европейского Суда по правам человека признается, что вмешательство в правомочия собственника в связи с арестом его имущества в целях обеспечения возможной конфискации и гражданского иска осуществляется в соответствии с общим интересом, но принимаемые государством меры по контролю за использованием этого имущества должны ха-

рактеризоваться разумной пропорциональностью между применяемыми средствами и преследуемой целью (см.: *постановления от 20 апреля 1999 года по делу «Кокавец против Венгрии», от 24 октября 2006 года по делу «Эдвардс против Мальты», от 31 октября 2006 года по делу «Фельдеш и Фельдешне Хайлик против Венгрии» и от 22 января 2009 года по делу «Боржонов против России»*).

Однако оспариваемые положения не гарантируют эффективную защиту прав и законных интересов лица, признанного потерпевшим и гражданским ответчиком по уголовному делу, в рамках производства по которому на денежные средства, похищенные со счета этого лица и находящиеся на счетах третьих лиц, был наложен арест, в случаях, когда предварительное расследование по данному уголовному делу приостановлено на неопределенно длительный срок в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая основополагающие принципы защиты собственности.

Обзор подготовили: Артем Маркин, Олег Одоев, Ольга Подоплелова. Редактор: Татьяна Храмова.